

⁷² РГАДА. Ф. 137. Устюг. Кн. 204. Л. 271.

⁷³ Там же. Л. 272 об.

⁷⁴ Там же. Кн. 188. Л. 112.

⁷⁵ Там же. Л. 112 об.

⁷⁶ Там же. Л. 249.

⁷⁷ Там же. Боярские книги. Кн. 26. Л. 353 об.

⁷⁸ Там же. Устюг. Кн. 226. Л. 295–295 об.; Кн. 238. Л. 293 об.–294.

⁷⁹ Там же. Кн. 239. Л. 231–231 об.

⁸⁰ Там же.

В. Б. Перхавко

ИЗ ИСТОРИИ СУКОННОЙ СОТНИ: ИСТОКИ, СОСТАВ, СТАТУС И ЗАНЯТИЯ

История Суконной сотни изучена гораздо хуже, чем двух служилых государевых торговых корпораций более высокого статуса-чина (гостей и Гостиной сотни)¹. Поиск разрозненной информации о входивших в нее торговых людях требует сплошного просмотра многочисленных русских письменных источников XVII в.: коллективных челобитных представителей купеческой среды, жалованных грамот купцам, описаний торговых рядов, вкладных книг, синодиков и др. Реконструированные списки гостей, торговых людей Гостиной и Суконной сотен 1601/1602, 1626–1627, 1632, 1647, 1649, 1653 гг. изданы Т. Б. Соловьевой и Д. М. Володихиным².

Истоки Суконной сотни. Точное время появления Суконной сотни установить пока не удастся, но ее староста наряду с гостями и старостой Гостиной сотни участвовал в Земском соборе 1598 г., поэтому можно уверенно предположить, что учреждение этой служилой торговой корпорации произошло в период правления царя Федора Иоанновича (1584–1598). До возникновения Суконной сотни в Москве, Калуге, ряде других городов существовали «суконничьи дворы». В крепости Коломны в 1577–1578 гг. «суконничьех было восемь дворов», в том числе «двор суконнич Семена Борисова сына Синего Зуба», «да три места припускные были суконничьи же» (Петра Терентьева, Дениса Першина, Третьяка Козлова, Ивана Татева, Ивана Елизарова, Семена Исакова, Третьяка Сермяжникова), которые занимали владельцы других дворов³. Кое-кто из суконников и владельцев суконничьих дворов мог стать членом Суконной сотни, но вопрос о взаимосвязях двух этих групп купечества остается открытым.

В одном из документов середины XVI в., включенном в копийную книгу Троице-Сергиева монастыря XVII в., назван «староста суконничих дворов»⁴. Эта должность, возможно, существовала и раньше. Неизвестно, правда, была ли она выборной либо на нее назначали власти. В Богоявленском переулке Москвы в середине XVI в. находился «двор суконщика Лобана Иванова сына Слизнева» площадью почти 400 кв. сажен⁵.

По письменным источникам Суконный ряд в Москве известен с 1570-х гг., хотя появился он, конечно, задолго до этого, ведь московские суконники упоминаются с конца XIV в. О более раннем существовании Суконного ряда косвенно свидетельствует летописное сообщение о Московском пожаре 1547 г., когда «лавки все гостины и суконничичи и всех торговых людей погореша»⁶. Возникновение второго Смоленского суконного ряда в столице, по документам зафиксированного только с первой четверти XVII в., С. В. Бахрушин и другие историки по праву связывают с переселением в 1514 г. торговцев из Смоленска, специализировавшихся на перепродаже сукна западноевропейского производства⁷. Суконные ряды занимали важное место и на торгах менее крупных городов, например, Коломны, где они состояли в конце XVI в. из 17 лавок и 14 лавочных мест (опись 1577–1578 гг.)⁸. Однако подавляющее большинство членов Суконной сотни не занимались в XVII в. торговлей сукном, посему их нельзя однозначно отождествлять с суконниками, суконщиками, торговцами суконных рядов и владельцами суконничьих дворов XVI в., как это делает С. Н. Кистерев, считающий на основании упоминания этих категорий торговых людей, что Суконная сотня (подобно Гостиной сотне) возникла во второй четверти XVI в.⁹

Пока самая ранняя документальная фиксация существования Суконной сотни, как уже было отмечено выше, относится только к 1598 г. Можно предположить, что она возникла по инициативе Казны, испытывавшей нужду в служилых людях по торгово-финансовой части, которые должны были стать помощниками более состоятельных гостей и членов Гостиной сотни. «Суконные сотни староста Третьяк Герасимов сын Косаткин» участвовал в Земском соборе 1598 г., избравшем царем Бориса Годунова. Однако в утвержденной грамоте его подписи нет. За него расписался почему-то один из членов Суконной сотни: «тяглец Ларивон Минин, и в старостину в Третьяково место Косаткина». Быть может, на момент подписания грамоты Касаткин (Косаткин) находился в отъезде. Он был выходец из семьи солеваров Касаткиных (Косаткиных), проживавших в XVI–XVII вв. в Соли Галицкой (Солигаличе). Его отец Герасим Дементьевич («Горасим Деменьтиев сын Косаткин») упомянут в качестве послуха при оформлении одной из солигаличских купчих 1569/1570 г. Имя самого Т. Г. Касаткина (Косаткина) впервые появляется в продажной грамоте 1583/1584 г.: «А в межах та полосмины дворища с Третьяком Ерасимовым сыном Косаткина...». Третий сын в семье, он между 1584 и 1598 гг. был переведен властями из Соли Галицкой в Москву¹⁰. По свидетельству вкладной книги XVII в. Троице-Сергиева монастыря «108-го [1600/01] году дал вкладу московский жилец Суконные сотни торговой человек Третьяк Герасимов сын Косаткин у Соли Галицкие на посаде дровяное кладбище, а за сколько денег дано, того не написано, а даная писана в вотчинной книге в Галицкой Соли глава»¹¹. До перевода в столицу России на родине он занимался добычей и продажей соли, о его торговой деятельности в Москве известий не сохранилось.

Статус и состав Суконной сотни. Социальный статус и имущественное положение членов служилой Суконной сотни были, естественно, похуже, чем у гостей и торговых людей Гостиной сотни. Поскольку более древняя жалованная грамота сгорела во время Смуты, староста Суконной сотни Данила Чуваев получил 3 июня 1625 г. от имени царя Михаила Федоровича новый документ, в котором, в частности, ее членам даровалось «с черными сотнями никаких дел не делать, и питье про себя держать безвыимочно, и стояльщиков во дворах не ставить, и избы им топить вольно, и подвод у них по ямом и на дороге не имать; и на реках перевозу и на мостех мостовщины и проезжего мыта не имать; а кто их чем обесчестит, а по суду доищутца, и лутчим людем безчестья по пятнадцати рублев, середним по десяти рублев, молотчим по пяти рублев»¹². Такие же размеры штрафов указаны в памяти от 18 мая 1645 г. из Казанского приказа в Земский приказ («По государеву указу. Суконные сотни торговым людем за бесчестье указывают: лутчему человеку пятнадцать рублев, середнему человеку десять рублев, молотчему пять рублев») ¹³. Они сохранились и в Соборном уложении 1649 г. По размерам штрафа торговый человек Суконной сотни большой статьи приравнялся к члену Гостиной сотни средней статьи. Малоимущие члены Суконной сотни по размерам штрафа за «бесчестье» не отличались от рядовых тягловцев черных слобод и сотен, честь лучших и средних жителей которых оценивалась даже чуть выше — соответственно в 7 и 6 руб.¹⁴

В отличие от гостей и членов Гостиной сотни, торговым людем Суконной сотни, в которую вошло немало ремесленников (мыловаров, сапожников, шапочников, ювелиров-серебряников и др.) не разрешалось в любое время пользоваться домашними банями («топить мыльни») и свободно ездить за границу, хотя ранее, в начале XVII в., зарубежные поездки совершали не только члены Суконной сотни, но и непривилегированные торговцы из черных сотен (правда, лишь с особого разрешения властей).

Самыми важными льготами для данной корпорации являлись неподсудность местным властям, освобождение от уплаты мыта, постоянной и ямской повинностей. После «московского разоренья» (1611–1612 гг.) отец и братья ювелира-серебряника Захара Онофреева были «взяты в Суконную сотню»¹⁵. 20 июня 1613 г. в Печатном приказе была «запечатана жалованная грамота Суконной сотни торгового человека Бажена Дементьева сына Клепышшикова: ни в каком деле ему и его детям креста не целовать, а целовать людем их, и по городом ни в чем судить их не велено»¹⁶. Члену Суконной сотни Ивану Онофрееву, служившему головой Денежного двора, была дарована 25 мая 1614 г. еще одна привилегия: «питье ему держати про себя безьявочно»¹⁷. Иногда членов Суконной сотни по недоразумению отождествляют с торговцами Суконного ряда Москвы¹⁸. В корне ошибочно определять Суконную сотню и как «сословие торговцев сукном»¹⁹.

В 1630 г. по царскому указу было «велено взять из Чердыни к Москве на жителя, в Суконную сотню, посадских людей Ортемья Могильникова с братьями да Федора Свирипова с братьею»²⁰. Правда, сами купцы нередко любимыми путями стремились избежать либо оттянуть переезд, а после него сохранить

прочные экономические связи с родными местами. О том, в каких еще населенных пунктах, кроме столицы России, проживали члены Суконной сотни, можно узнать из дела о взятии с населения Москвы лошадей, телег и возчиков для военных нужд во время Смоленской войны (июль 1632 г.). В документе упоминаются люди, переведенные в Суконную сотню из Галича, Дединова, Свяжска, Сольвычегодска, Чердыни и не переселившиеся в столицу России²¹. Годовой оклад (обложение налогом) торговых людей Суконной сотни на тот момент составлял от полденги до 4 алт. 2 д., гораздо уступая окладам гостей и большинства членов Гостиной сотни. А кое-кто из членов Суконной сотни, обнищав, оказался не в состоянии платить даже самый минимальный налог²².

Штраф за «бесчестье» членов Суконной сотни и их жен был ниже, чем в отношении представителей двух других служилых торговых корпораций, но и ответственность за выполнение обременительных государственных обязанностей было поменьше. Далеко не всегда Суконная сотня служила резервом, из которого формировались две более привилегированные группы российского купечества. Мало кто из гостей, подобно К. С. Борину и Я. М. Лабозному, повысил свой чиновный ранг через Суконную сотню²³.

Как было зафиксировано в 1649 г., «по окладным книгам, за руками сотенных людей, ныне в Гостиной сотне гостей 13 человек, Гостиные сотни торговых людей, лутчих и середних и худых, и с теми, которые служеб не служат в тяглые не положены, 158 человек», а в Суконной сотне насчитывалось 116 человек. Между 19 и 26 июля 1639 г. торговые люди Суконной сотни в письме выразили свое мнение на Земском соборе по поводу отношений России с Крымом²⁴. Два члена Суконной сотни Михаил Футин и Петр Тимофеев участвовали в Земском соборе 1648–1649 гг. и поставили свои подписи в свитке Соборного уложения²⁵. Решение Земского собора от 1 октября 1653 г. о воссоединении Украины с Россией подписали «и гости, и Гостиные и Суконные сотни, и черных сотен и дворцовых слобод тяглые люди»²⁶. 13 декабря 1653 г. датированы две челобитные, поданные на имя царя Алексея Михайловича, с просьбой не взыскивать с челобитчиков частные долги в пользу Английской Московской компании: одна — от имени 17 гостей и 116 членов Гостиной сотни, а вторая — от имени 163 членов Суконной сотни²⁷.

22 марта 1681 г. московский садовник Григорий Васильев взял на поруки посадского человека из Юрьевца Филиппа Васильева сына Уварова «против челобитя» члена Суконной сотни Федора Коковина²⁸. В царской жалованной грамоте члену Суконной сотни Петру Рязанцеву (Рязанцову) от 14 января 1682 г. говорится о том, как царь Алексей Михайлович в 1671 г. «пожаловал Суконные сотни торговых людей, где им лучится в отъезде быти самим, или их детям и племянником, и людем их: и бояря наши и воеводы и дьяки и всякие приказные люди ни в чем их не судят; а кому будет в чем до них дело, и их судят на Москве наши бояря, или кому мы великий государь укажем; а где они станут на ком искать, или кому отвечать, в котором Приказе нибудь, а по суду дойдет до крестного целования, и им самим лутчим и середним людем, и их братье и детям креста не целовати, а целовати крест людем их, а молодчим людем крест целовати самим; и с черными сотнями никаких им дел не делати

и не тянути ни в чем». Было подтверждено право «питье им про себя держать всякое безпенно и безвыимочно, и мостов, кроме Николаевского мосту, им не мостить, и стоялцов у них во дворех и всяких иноземцов не ставить»²⁹. Царь Федор Алексеевич подтвердил практически все эти привилегии в качестве вознаграждения членов служилой Суконной сотни за выполнение ими казенных служб торгово-финансового характера.

В составлении челобитной на имя царей Ивана V и Петра I 6 июня 1682 г. наряду со стрельцами участвовали «гости и гостиных разных сотен, и кодашевцы, и дворцовой и конюшенной слободы, и сироты ваши посацкие люди, и холопы ваши ямщики всех слобод». В ответ последовало обращение от имени юных царей к «гостям и Гостиным и Суконных сотен, и дворцовых и конюшенных и иных черных слобод посацким людям»³⁰.

Пока не удалось обнаружить актов документ об упразднении Суконной сотни, но после 1682 г. упоминания о ней исчезают из источников. Ни один из ее членов не фигурирует, к примеру, в «Книге записной мелочных товаров» 1694 г. Московской большой таможи³¹. Вместе с тем они указаны в «письме» от 7 февраля 1695 г. из Приказа Большой казны в Казенный приказ, согласно которому предписывалось «гостям и Гостиной и Суконной сотен и черных слобод людям вместо десятой деньги» поставлять суда и судовые припасы для Азовского похода³².

Члены Суконной сотни, как и более привилегированных служилых торговых корпораций, являлись беломестцами. 21 марта 1696 г. датируется грамота из Новгородского приказа воеводе Нижнего Новгорода Павлу Федоровичу Леонтьеву об уравнинии члена Гостиной сотни Ивана Устинова и крестьянина Печерского монастыря Макара Павлова сына Конищева в платеже налогов за тяглые двory с нижегородскими посадскими людьми. В ней содержатся не только ссылки на положения 16-й и 34-й статей главы XIX Соборного уложения 1649 г., касающиеся проживания, владения дворами, торговыми помещениями и соляными варницами как членов Гостиной и Суконной сотен, так и рядовых посадских людей, но и подтверждается: «...Так ж впредь и иным беломесцом Гостиной и Суконной сотен, а дворцовых сел крестьяном и монастырским крестьяном же в Нижнем у посацких людей дворов и лавок, и анбаров покупать и в оклад имать никому не велели»³³.

Суконная сотня перестала пополняться новыми членами и постепенно захирела. Отсутствие упоминаний о ней в документах городской реформы начала 1699 г. позволяет сделать предположение об ее окончательном отмирании между 1696 и 1698 гг. Наиболее зажиточные ее представители оказались в составе Гостиной сотни, а малоимущих включили в черные посадские общины.

Занятия членов Суконной сотни. Имеются свидетельства о том, что в начале XVII в. торговые люди Суконной сотни участвовали не только во внутреннем, но и во внешнем товарообмене. В архивном собрании Разрядного приказа оказался подлинник грамоты, направленной 23 июня 1604 г. дьяком Казенного двора Меньшим Булгаковым смоленскому воеводе князю В. К. Черкасскому и дьяку В. Янову и разрешавшей члену Суконной сотни Григорию Богданову и его человеку Нагайке проезд через Смоленск в Литву с товаром.

Они везли на продажу немало ценной пушнины: «60 тысяч со стом белки, 190 сороков горностаев, 27 сороков куниц, 400 лисиц красных, 2 рыси, 2 шюбы пупчатых собольих, 5 недолисей». Как и другим торговцам, Богданову под страхом тюремного заключения и конфискации имущества категорически запрещалось экспортировать из России ряд заповедных товаров — золотые и серебряные монеты, изделия из золота и серебра, доспехи, шлемы, саадаки, сабли, пищали, порох, железо (уклад)³⁴.

И все же члены Суконной сотни позже — при царях Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче — занимались преимущественно внутригородской торговлей. 13 июня 1620 г. датируется жалованная грамота на каменную лавку в Верхнем Медовом ряду торгового человека Суконной сотни Сеньке Семенову сыну Протопопову, который должен был платить в казну сравнительно небольшой годовой оброк (8 алт. 2 д.)³⁵. В Масленном и Ветчинном ряду, от Никольского крестца по правой стороне, в 1626 г. находились каменные «лавка Суконные сотни Безсона Окакьева, 20 ал.; лавка Суконные сотни Юшки Сушовца, 13 ал. 2 д.»³⁶. Гости и члены Гостиной сотни торговали, как правило, в московских лавках с годовым obroком не менее 0,5–1 руб. Членам Суконной сотни принадлежали в Москве и другие торговые помещения. Между Ильинским и Никольским крестцами под каменными лавками располагались каменные «погреб Суконные сотни Безсонка Окакьева, 3 р.»; «в третьем прясле: погреб с выходом каменным Суконные сотни Васки Михайлова сына Крылова, 4 р.»³⁷. 2 мая 1670 г. торговец Суконной сотни Иван Власьев обвинил «греченина» Микулая Остафьева в недоплатных деньгах в размере 34 руб. за проданный беличий мех³⁸. Вместе с тем, в «Росписи кузницам и кузнецам в Москве» 1641 г. нет ни одного члена Суконные сотни³⁹.

Ю. А. Мизис не указывает членов Суконной сотни среди владельцев торговых помещений и оброчных мест Воронежа, Козлова и Лебедяни второй половины XVII в.⁴⁰ Записи о принадлежности торговцев к Суконной сотне почему-то отсутствуют в писцовых книгах Великого Новгорода XVII в., в таможенных книгах Великих Лук⁴¹.

В таможенной книге Вологды 1634/35 г. не раз упоминаются приказчики гостей Григория Никитникова, Андрея и Василия Юдиных, Надеи Светешникова, а в отношении других торговцев нет указаний на принадлежность к Гостиной или Суконной сотням⁴². В таможенных книгах сибирских городов XVII в. (Верхотурья за 1673/74 г., Красноярска за 1673 г., Сургута за 1674/75 г., Тары за 1662 г., Тобольска за 1672/73 г., Тюмени за 1672/73 г.) чаще всего фигурируют просто «торговые люди», «посадские люди», «промышленные люди», «гулящие люди», «служилые люди», «лавочные сидельцы», приказчики торговцев без указания их точного чиновного статуса⁴³. Он был важен для таможенников только при явках товаров тарханщиков, наделенных привилегией освобождения от уплаты пошлин, каковой не обладали торговые люди Суконной сотни.

Чтобы установить место членов Суконной сотни, являвшихся в основном ремесленниками-торговцами и лавочниками, в межобластном товарообмене, необходимо составить по другим источникам именной перечень этой служеб-

ной корпорации, а затем сравнить его с именами, прозвищами, местом проживания лиц, упоминающихся в таможенных книгах XVII в.

Доходы членов Суконной сотни, занимавшихся главным образом мелким торгово-ремесленным предпринимательством, значительно уступали прибылям гостей и торговых людей Гостиной сотни. Они не строили каменные храмы и палаты. Их имущественное положение не отличалось устойчивостью и они не могли отвечать в полной мере своими деньгами за выполнение государственных служб. Это и стало главной причиной отмирания служилой Суконной сотни в самом конце XVII в.

Примечания

¹ См.: Тимошина Л. А. Расселение гостей, членов гостиной и суконной сотен в русских городах XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 117–151; Соловьева Т. Б. Справочник «Привилегированное купечество России второй половины XVI — первой четверти XVIII вв. (гости, гостиная и суконная сотни)» // АЕ за 1996 год. М., 1998. С. 88–93; Голикова Н. Б. 1) Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998; 2) Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в.: из научного наследия / Сост. Н. В. Козлова, В. Н. Захарова, И. Е. Тришкан. М.; СПб., 2012; Перхавко В. Б. 1) Суконная сотня // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 2. М., 2009. С. 822–823; 2) Суконная сотня // Большая российская энциклопедия. Т. 31. М., 2016. С. 406–407.

² Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века. М., 1996.

³ Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Подгот. Е. Б. Францовой. М., 2002. С. 25–27, 29, 31–32.

⁴ ОР РГБ. Ф. 303/1. № 530. Л. 29.

⁵ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва. М., 1997. С. 88.

⁶ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 29.

⁷ История Москвы. Т. 2. М., 1952. С. 157–158; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 183.

⁸ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI века. Отд-ние 1. СПб., 1872. С. 314.

⁹ Кустерев С. Н. 1) Структура гостиной сотни во второй половине XVI — первой половине XVII века // ОФР. Вып. 16. М.; СПб., 2013. С. 242–251; 2) К ранней истории Гостиной сотни // Вестник «Альянс-Архео»: [Электрон. изд.]. Вып. 15. М.; СПб., 2016. С. 4–8. URL: http://www.aarheo.ru/components/com_jshopping/files/demo_products/_15.pdf (15.10.2017).

¹⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. Л. 963. С. 224.

¹¹ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 7. С. 45, 53; Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613) / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. № 181, 197. С. 230, 242; Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков: К вопросу о генезисе капитализма в России. М., 1970. С. 31, 43, 45–46, 51–52, 62.

¹² Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891. Стб. 1105–1106.

¹³ АИ. Т. 3. СПб., 1841. № 92. С. 118; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер. Л., 1986. № 304. С. 210.

¹⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. М., 1985. С. 111.

¹⁵ История форм труда в Русском государстве в первой половине XVII века: Материалы по истории ремесленного труда и форм найма на посадах Русского государства. Вып. 2 / Сост. А. Н. Сперанский, Н. В. Устюгов, В. И. Шунков; Подгот. Н. Ф. Демидовой. М., 1989. С. 233.

¹⁶ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1994. С. 178.

¹⁷ Там же. С. 367.

¹⁸ Так, сохранилась поручная запись 1613 г. торгового человека Суконного ряда Москвы Михаила Захарьева сына Стругалкина с товарищами по торговому человеку Гостиной сотни С. Ю. Болотникову. См.: РГАДА. Фонд Посольского приказа. 1613 г. Ф. 141. Д. 2. Л. 1; Н. П. Воскобойникова ошибочно причислила М. З. Стругалкина к Суконной сотне. См.: *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — начала XVII века: (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). М., 1994. С. 258.

¹⁹ Словарь русских народных говоров. Вып. 42. СПб., 2010. С. 210. — Авт. ст.: Е. В. Колосько.

²⁰ АИ. Т. 3. № 164. С. 291.

²¹ ПКР. Т. 1. М., 2004. С. 119, 121.

²² Там же. С. 117–118.

²³ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России ... С. 155–156.

²⁴ Шумилов В. Н. Дело Земского собора 1639 г. // *Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв.* М., 1975. № 6. С. 301–302.

²⁵ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года: Учеб. пособие для высш. шк. М., 1961. С. 428.

²⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 450, 458.

²⁷ Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества... С. 61–71.

²⁸ МДБП. М., 1968. № 18. С. 158.

²⁹ ААЭ. Т. 4. № 252. С. 354–355.

³⁰ Там же. № 255. С. 358, 366.

³¹ См.: Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII века. М., 1956. С. 108–135. (Тр. ГИМ; Вып. 30).

³² ПКР. Т. 1. № 97. С. 380.

³³ Н. Новгород в XVII веке: Сб. документов / Сост. Н. И. Привалова. Горький, 1961. № 192. С. 275.

³⁴ Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. Т. 1. Минск, 1959. № 140. С. 312–313.

³⁵ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Стб. 1103.

³⁶ Там же. Стб. 1117.

³⁷ Там же. Стб. 1119–1120.

³⁸ МДБП. № 71. С. 80.

³⁹ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Стб. 1155–1163.

⁴⁰ Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 390–393; Прил. к гл. III. Табл. 1–6. С. 618–621.

⁴¹ См.: Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. / Подгот. А. В. Юрасов. М., 1999; Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII в.: Сб. документов / Сост. Ю. А. Анкудинов. СПб., 2003.

⁴² Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М., 1983. С. 33, 55, 76, 83, 86, 102, 104, 132, 179; и др.

⁴³ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 1. Сургут и Тара. Новосибирск, 1997. С. 19–25, 75–77, 88, 91, 94 и др.; Вып. 3. Верхотурье, Красноярск. Новосибирск, 2000. С. 19, 137–139 и др.; Вып. 4. Тюмень, Пелым. Новосибирск, 2001. С. 27–28 и др.; Вып. 5. Тобольск, Кетск. Новосибирск, 2003. С. 8–9; и др.

Д. В. Лисейцев

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О МОСКОВСКИХ КУПЦАХ КОТОВЫХ

Отечественная биографика допетровской России, к сожалению, не может похвастаться богатством. Ученые могут проследить в подробностях жизненный путь далеко не всех представителей политической и церковной элиты Московского государства. Даже персоны, «избалованные» вниманием историков, порой преподносят неожиданные «сюрпризы», когда источники показывают «государственного мужа» с новой стороны. Например, пошленные книги Печатного приказа дают ценные штрихи к биографии думного дьяка Ивана Грамотина — выясняется, что, помимо прочего, его благосостояние опиралось на поощряемую им деловую активность его людей¹. Сложнее обстоят дела с представителями торгового населения Московского государства: оставленный ими «документальный след» изначально менее отчетлив, а гибель многих источников зачастую и вовсе лишает нас возможности выстроить даже «пунктирную линию» их биографий. Спорадичность сведений о представителях предпринимательского слоя населения России XVII в. иллюстрируется примером откупщика кабаков и таможен Ивана Ефремова сына Юршина, крестьянина принадлежавшего боярину кн. И. Б. Черкасскому села Марьиной слободы. В статье признанного специалиста по истории таможенного дела России С. Н. Кистерева отмечено, что в 1623–1625 гг. Юршин держал на откупе тамгу и кабаки в Осколе и Воронеже, что противоречило царскому указу, запрещавшему подобную деятельность владельческим крестьянам². Документы свидетельствуют, что откупная деятельность Юршина гораздо шире и хронологически, и территориально: откупщиком кабаков и таможен мы видим его по меньшей мере с 1619 по 1638 г.; в сферу его интересов попадали, кроме Оскола и Воронежа, Белгород, Болхов, Боровск, Брянск, Валуйка, Верея, Курск, Ливны, Оскол, Путивль и Торжок³. Это не только дополняет сведения об Иване Юршине, но и показывает, насколько легко игнорировались нормы царских указов, если речь шла об экономических интересах «сильных людей».

Иногда удается найти любопытные факты из биографий представителей более заметных купеческих фамилий. В этой статье речь пойдет о гостях